

Цзи Цьюань, пребывая в неведении относительно замыслов Лу Чжоу, лишь успел нахмуриться, когда внезапный толчок отбросил его на спинку ротангового кресла. Он широко распахнул глаза.

Прежде чем он успел издать хоть звук, язык Лу Чжоу грубо раздвинул его сомкнутые губы. Насильственно открыв рот, Цзи Цьюань ощутил, как язык Лу Чжоу скользит по его губам, лишая возможности вдохнуть.

В глазах других, Цзи Цьюань был наделен безупречной внешностью. Несмотря на его статус беты и отстраненный нрав, его образ вызывал желание столкнуть его с пьедестала.

Некоторые поговаривали, что Цзи Цьюань появился на свет не в том облики. Будучи омегой, он бы разделил участь игрушки, переходящей из рук в руки влиятельных людей, и, возможно, даже познал бы мучительную смерть по их прихоти.

От поцелуя глаза Цзи Цьюаня налились кровью и увлажнились, напоминая лепестки после весеннего ливня.

Летний ливень обрушился на город. Тьма заволочла небо, и гром пронзил тишину. Вслед за вспышкой молнии хлынул дождь, барабана по стеклам окон с такой силой, что невозможно было различить, что гремит громче.

— Брат, — голос Лу Чжоу прозвучал, когда его язык выскользнул изо рта Цзи Цьюаня, — ты ведь совсем не пил молоко, верно?

В его тоне не было места сомнению.

Цзи Цьюань лишь выпрямился, не произнеся ни слова.

Лу Чжоу нежно провел пальцем по влажным уголкам глаз Цзи Цьюаня, изображая грусть.

— У тебя же была авария, тебя мучают кошмары. Я каждый день давал тебе горячее молоко для твоего же блага, а сегодня ты вылил его и соврал мне. Мне так обидно.

Цзи Цьюаня тронула эта забота. Он понимал, что Лу Чжоу беспокоился о его самочувствии.

— Не грусти, — смягчился его тон.

— Но ты меня совсем не слушаешь, и я не могу тебя наказать, — прозвучал упрек. Казалось, что не Лу Чжоу издевался над Цзи Цьюанем, а наоборот.

Цзи Цьюань забыл о недавней грубости. Он наклонился и обнял Лу Чжоу за талию, затем приподнял его лицо своими тонкими пальцами.

— В будущем я обязательно буду пить молоко вовремя. Не сердись, хорошо?

Несмотря на уступчивость, его голос оставался холодным и отстраненным.

— Правда? Правда? — глаза Лу Чжоу, как у преданного щенка, лучились надеждой.

— Правда, — вздохнул Цзи Цьюань. Ради Лу Чжоу он готов был заставлять себя пить молоко.

Несмотря на то, что от чрезмерного употребления молока он чувствовал себя некомфортно...

Но это были преодолимые трудности.

Лу Чжоу приподнял уголки губ.

— Брат, ты такой хороший.

Этот комплимент смутил Цзи Цьюаня, но он сохранил самообладание и не сорвался на Лу Чжоу.

Не давая Цзи Цьюаню опомниться, Лу Чжоу подхватил его с ротангового кресла, закинул на плечо и, несмотря на сопротивление, бросил на кровать.

Цзи Цьюань был одет в шелковый халат, стянутый поясом.

Обычно непроницаемое лицо в этот миг исказилось, дыхание участилось. Он казался падшим небожителем, низвергнутым в мир смертных и обреченным на осквернение.

Лу Чжоу уподобился богохульствующему фанатику.

Он достал из ящика пару позолоченных наручников с мягкой бархатной подкладкой, чтобы не повредить нежную кожу Цзи Цьюаня.

Щелчок. Наручники сковали запястья Цзи Цьюаня. Лу Чжоу без труда поднял его руки над головой.

Цзи Цьюаня охватило чувство беспомощности и невозможности побега. Ему было противно это ощущение.

— Лу Чжоу, не используй наручники...

— Нет, — взгляд Лу Чжоу потемнел. — Если я не свяжу брата, он снова навредит себе. Так будет безопаснее.

— ... — Цзи Цюань не нашел, что возразить.

В прошлый раз, в порыве гнева, он назвал Лу Чжоу ублюдком и расцарапал себе пальцы. Лу Чжоу заметил это и, придя в ярость, связал его руки.

Лу Чжоу заявил, что каждый дюйм его кожи принадлежит ему, и за любую рану последует наказание.

Увидев, что Цзи Цюань не сопротивляется, он улыбнулся и облизал его губы.

— Брат, я буду очень нежным, только не двигайся.

...

После мучений, продолжавшихся до рассвета, Лу Чжоу наконец освободил Цзи Цюаня.

Тот был измучен, и Лу Чжоу помог ему все убрать.

Цзи Цюань провалился в глубокий сон.

Наутро его разбудили крики за дверью. Звук был настолько громким, что не давал покоя.

Цзи Цюань тихонько встал с кровати, стараясь не разбудить Лу Чжоу.

Накинув халат, он приоткрыл дверь главной спальни и прислушался. Звук доносился со стороны спортзала на третьем этаже.

Два дня назад он уже слышал странные плачущие звуки в спортзале. Несмотря на заверения горничной и Лу Чжоу, что это были галлюцинации, он слышал их снова.

У него крепло ощущение, что семья Лу хранит множество тайн.

Он поднялся на лифте на третий этаж.

Пройдя через спортзал, он направился к кладовой в конце коридора. Приложив ухо к щели в двери, он отчетливо услышал мужской плач. Зачем мужчине плакать в кладовой? Кто этот человек? И кто его там запер?

— Что ты здесь делаешь? — раздался низкий голос из-за спины.

Цзи Цьюань вздрогнул. Обернувшись, он увидел Лу Тяньцина, отца Лу Чжоу.

Лу Тяньцин, один из самых влиятельных альф в городе, отличался честностью и строгостью. Даже после стольких лет пребывания у власти, он все еще вызывал трепет.

Под взглядом такого альфы Цзи Цьюань невольно съежился.

— Отец, — пробормотал он, опустив голову.

Более десяти лет назад Цзи Цьюань был усыновлен Лу Тяньцином. Как и Лу Чжоу, он называл его отцом.

Цзи Цьюань всегда благоговел перед этим «отцом». Или, скорее, боялся его.

Лу Тяньцин поправил галстук.

— Не ходи больше сюда.

— Почему? — вырвалось у Цзи Цьюаня, и он тут же пожалел об этом. Не стоило задавать этот вопрос Лу Тяньцину.

— Тебе не нужно этого знать, — отрезал Лу Тяньцин.

Цзи Цьюань молча стоял перед дверью. Он хотел спросить Лу Тяньцина о плачущем мужчине в кладовой, но сдержался.

Он решил, что сможет узнать правду и без него, ведь у него было время.

Чем больше Лу Тяньцин пытался скрыть правду, тем сильнее Цзи Цьюаню хотелось узнать, какие тайны скрываются за дверью кладовой.

<http://bllate.org/book/14610/1296253>